

Канат Ильич Нуров

КАЗАКСТАН:

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ТРАДИЦИИ

Канат Ильич Нуров

Казакстан. Национальная идея и традиция

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40177086

Казахстан: Национальная идея и традиции: НОФ Аспандау; Алматы;

2011

ISBN 978-601-7248-16-1

Аннотация

Казахи... История этого народа, давно обосновавшегося на просторах Евразии, окружена многочисленными тайнами и загадками. До сих идут споры о том, что же означает слово «казак» и деление жузов по старшинству. Для Каната Ильича Нурова, автора этой книги, «казак» – это имя «вольного человека», гордое самоназвание сообщества выходцев из различных народов. Автор приводит редкие и увлекательные заметки об истории, нраве, культуре и быте казахов, опираясь на широкоизвестный, но так и не осмысленный материал. И постепенно вырисовывается портрет народа, избравшего индивидуальную свободу в качестве своей главной духовной ценности. Книга проводит параллели между оригинальными традициями степной свободы и возможностями будущего развития в Казахстане гражданского общества. Человеческая

свобода – это основа справедливости. Почему же свобода не может стать богом казахстанцев, если справедливость свободы уже была богом у древнемонгольского и казахского казачества и исповедовалась по-настоящему, всей душой?

Содержание

Об авторе	6
Радик Темиргалиев. Вступительное слово	10
Предисловие автора к 2-му изданию «Казакстан: национальная идея и традиции»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Канат Ильич Нуров

Казакстан: национальная идея и традиции

© Канат Нуров, 1995

© Канат Нуров, 2011

© Оформление. VOX POPULI, 2011

Об авторе

Канат Ильич Нуров Президент научно-образовательного фонда «Аспандау» и Plankion Group, член международного Института сертифицированных управленческих бухгалтеров (ICMA) и Казахстанской ассоциации сертифицированных консультантов по управлению (КАСМС).

Сферы специализации и опыт

Налаживание маркетинга и PR в начальный период организации местного офиса международной аудиторско-консалтинговой компании «Делойт&Туз» в качестве старшего консультанта по управлению.

Общепризнанный успех внедрения научного подхода в сфере финансового управления в АО «Казахтелеком»: – объединение международных стандартов финансового учёта, планирования и мотивирования в единой бюджетной политике;

Анализ проблем по внедрению проекта интегрированной системы управления ресурсами (ERP), реабилитация этого проекта и его успешная реализация в качестве председателя Управляющего (проектного) комитета по SAP.

Курирование логистики и административно-хозяйственных вопросов в качестве управляющего директора АО «Казкоммерцбанк», член Коммерческой дирекции (Кредитный комитет Центрального офиса).

Образование

КазГУ им. Аль-Фараби, Германская академия немецкого Союза государственного чиновничества (г. Бонн, ФРГ), Маастрихтская школа менеджмента (г. Маастрихт, Нидерланды), ISMA (США); Ph.D – historical sciences Йоркского университета (США).

Научные публикации

Нуров К.И. Правовая и экономическая модернизация традиционной структуры Казахстана. Гылым: Алматы, 1995. 201 с.

Опыт работы

Алма-Атинская школа менеджмента, Фонд поддержки предпринимательства Министерства экономики РК, международная аудиторско-консалтинговая компания «Делойт энд Туш», вице-президент – главный финансовый директор АО «Казахтелеком», управляющий директор АО «Казкоммерцбанк».

О себе

За период работы в АО «Казактелеком» награждён медалью «Құрметті байланысшы» и юбилейной медалью «Қазақстан республикасының тәуелсіздігіне 10 жыл». Владеет казахским, русским, английским. Женат.

Увлечения

Научные исследования в области права и экономики, истории, образования. Музыка, поэзия, футбол, теннис, бокс.

Радик Темиргалиев. Вступительное слово Свободный историк о несвободной истории

Сейчас, в отличие от времён совсем недавних, практически в каждом книжном магазине можно найти отдельную полку или целый шкаф с книгами по истории Казахстана. Вот только перемены совсем не изменяют уровня знания истории нашим обществом. Книг много, но большая их часть – это либо скучные учебники, либо иные «дежурные» работы представителей официальной науки. При знакомстве с некоторыми подобными опусами у меня складывается впечатление, что авторы писали их буквально из-под палки. Впрочем, факт использования труда подневольных магистрантов или аспирантов в нашей науке давно уже не составляет никакого секрета.

Конечно, в рамках программы «Культурное наследие» сейчас издано большое количество ранее не опубликованных источников, но это литература для профессионалов, в то время как обычный интеллигентный человек, интересующийся историей, пополняет свои знания, читая монографии или научно-популярную литературу. А в этом плане особен-

ного прогресса не наблюдается. В стране живут и трудятся огромное число кандидатов и докторов исторических наук, но есть лишь несколько имён, чьи труды действительно приносят много нового в наше знание и понимание прошлого.

Особенно раздражают сочинения уже, пожалуй, целого направления в отечественной науке. В этих работах в качестве истории казахов, например, подробно рассказывается об истории оседлого населения Присырдарьинского региона. Эти земли с проживавшим на них населением действительно на протяжении веков подчинялись кочевникам Восточного Дешт-и Кипчака, но вряд ли уместно называть тех дехкан, ремесленников и торговцев, добросовестно исповедовавших ислам, предками казахов. Как абсолютно справедливо заметил Н. Масанов, это просто неуважительно по отношению к собственной истории и культуре.

Несомненное достоинство книги Каната Нурова «Казакстан: национальная идея и традиции» состоит как раз в том, что она посвящена кочевничеству. И даже не просто кочевничеству, а кочевничеству казахскому. Ведь номады, которые для многих историков выглядят абсолютно одинаково, на самом деле отличались друг от друга не меньше, чем французы от китайцев. Даже между общественным и политическим устройством соседствовавших джунгар, казахов, кыргызов, «кочевых узбеков», туркмен во времена средневековья зияли колоссальные пропасти.

Следует признать, что автору превосходно удалось рас-

крыть данную тему. Не ограничиваясь описательством, он высказывает множество оригинальных идей и мыслей относительно структуры традиционного казахского общества. Я согласен с большей частью из них, и очень хочется верить, что истинность этих суждений, даже кажущихся в нынешнее время необычными и непривычными, обязательно будет признана научным сообществом.

Очень позитивное впечатление производит книга и стремлением автора давать читателю объективную картину прошлого. В теории об этом даже не нужно было бы говорить, поскольку объективность учёного подразумевается сама собой, но, увы, состояние исторической науки таково, что многие «учёные» историю родного народа видят исключительно через розовые очки и в таком же виде преподносят её обществу. Данная книга в этом отношении также является приятным исключением из правил. Автор честно, без комплексов и ханжества касается вопросов, которые, похоже, являются для подавляющего большинства историков абсолютным табу.

Книга также покоряет отсутствием конъюнктурных расчётов. В наши дни очень грустно бывает читать книги старых советских историков с бесконечными цитатами классиков марксизма-ленинизма, но в то же время понятно, что иначе многие блестящие учёные просто не имели бы доступа к науке. Сейчас же, по большому счёту, никто не заставляет любить власть (главное, чтобы ты ей открыто не оппониро-

вал), но почему-то историки всё время спешат украсить свои труды имеющими и не имеющими отношения к теме афоризмами Президента страны. А учёные, занимающиеся вопросами новейшей истории, описывают историю независимого Казахстана как череду сплошных успехов и побед Елбасы.

И в этом плане рассматриваемая работа просто уникальна. Это очень серьёзное исследование, в котором автор говорит как о традиционной структуре казахского общества, так и о её современном «деформированном, трансформированном и модернизированном» варианте без робости и оглядок на мнение власти. Тезисы автора о нынешнем положении дел и дальнейших путях развития казахской нации будут, пожалуй, любопытны и многим людям, не интересующимся «делами давно минувших дней».

Что касается недостатков, то, по моему мнению, самым слабым местом книги является история «строительства концепции казахского происхождения Казахстана». Аргументированно развенчивая основы современной концепции казахской истории, фактически выстроенной ещё В. Вельяминовым-Зерновым, автор за верным ответом почему-то обращается к А. Левшину. Тем самым он совершает ту же ошибку, что и его оппоненты. Он идёт за бесспорно имеющим многовековую историю термином «казак», хотя нет никаких оснований так тесно увязывать с этим словом историю казахского этноса. Так, согласно и этнографическим данным (богатырский эпос и поэзия жырау), и письменным источникам

(в том числе и сочинению Кадыргали-бека, имеющему первостепенную важность в данном вопросе), казахи не называли себя казахами до начала XVII века. Истинные казаки являлись чистыми анархистами, а у казахов всё же была своя довольно чёткая, хотя и очень гибкая политическая культура. Называя казаками предков казахов, чужеземные летописцы пытались оскорбить их, а со временем, как это частенько происходило в истории, бранный термин превратился в самоназвание.

Недоумение у меня вызвала и оценка автором роли и места Чингисхана в казахской истории. «Дети Тенгри рождены для того, чтобы править миром» – вот главный посыл «потрясателя вселенной» и его великодержавной философии. И я абсолютно не согласен с выводами автора о причастности великого монгола к развитию «казачьих идей». Поработители не могут быть свободны по определению. Исторические данные свидетельствуют о том, что монгольское вторжение и создание Золотой Орды разрушили демократические принципы политической организации кыпчакских племён. Но степняки постоянно боролись за свою волю, и создание Казахского ханства, как отмечал Л. Гумилёв, произошло на базе реставрации дочингисовских форм социально-политического устройства общества. На мой взгляд, различные источники пусть и косвенно, но помогают определить время торжества степной демократии и традиционных либеральных ценностей кочевого общества периодом правления хана

Касыма.

Конечно, если задаться целью, можно было бы выявить ещё какие-то недостатки или неточности, но общего впечатления от книги они не испортят. Поскольку эта книга не о датах и именах. Автор в первую очередь призывает читателя самостоятельно думать об истории. Думать и о затронутых автором темах и, отталкиваясь от них, выходить на новые области. Ведь в нашем прошлом действительно заложены ответы на актуальные вопросы настоящего. И книга Каната Нурова очень хорошо помогает это понять.

Предисловие автора к 2- му изданию «Казакстан: национальная идея и традиции»

К. И. Нуров

*Казакская орда, никому не подвластная,
многонародная и военная.*

*И. К. Кириллов, начальник Оренбургской экспедиции.
1734 г.*

Сразу же после первого издания этой книги в 1995 г. вышла «разгромная» статья д.и.н. Мамбета Койгельдиева совместно с к.и.н. Н. Нуртазиной «Удобный универсализм. Чья философия?», которая полностью приведена мной в конце этого издания. Из-за неё научный руководитель моей темы д.и.н. Ж.Б. Абылхожин отложил «до лучших времён» защиту этой диссертации. В те «лихие» годы уже можно было защитить что угодно и за что угодно, но политизированный тон этой статьи задал обструкционистскую атмосферу вокруг этой работы. Со слов д.и.н. А.Т. Толеубаева, пытавшегося помочь мне с защитой в рамках этнографической специальности, её никто бы уже «не пропустил». (Рецензии Абылхожина и Толеубаева, с выражением их позиций на сегодня, также приложены в конце книги). В связи с чем вы-

ражаю глубокую признательность Б.М. Искакову за недавнее содействие в успешной защите этой работы в Йоркском университете США, штат Калифорния (Ph.D. – Historical Sciences). Хочу также выразить благодарность терпеливым организаторам 2-го издания этой книги А. Курмановой, Р. Тленшиевой и особенно Тимуру Сакенову, снабдившему меня всей необходимой специальной литературой для написания этого предисловия.

В постсоветское время казахстанская историография по-прежнему придерживалась советской концепции, что кыпчаки якобы как предки казахов сами являются, как и Русь, жертвами монголо-татарского нашествия. Поэтому утверждение, как мне казалось доказанное, что Чингисхан имеет прямое отношение к основанию казахской государственности как «казак из монголов», всем казалось бредовым. Сегодня же, по истечении всего 15 лет, почти на всех уровнях Чингисхан считается чуть ли не прямым этническим казахом. Последнее, несомненно, является мифологизацией истории Казахстана, суть которой убедительно дезавуирована Н.Э. Масановым, Ж.Б. Абылхожиным и И.В. Ерофеевой в кн. «Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана» (Алматы, 2007).

Сегодня, когда в продаже не осталось ничего от первого издания этой книги и вышло много новаторских публикаций в отношении исторических загадок происхождения казахского этноса и государственности, наступило время её вто-

рого издания. Я искренне благодарен как своим критикам, так и тем, кто независимо или независимо от первого издания этой книги пришёл к близким мне выводам. Хочу воспользоваться этим предисловием, чтобы отразить своё отношение к современным достижениям историографии Казахстана и к основным претензиям своих критиков, так как эта книга переиздаётся без изменений и купюр, хотя и под несколько изменившимся названием.

К тому же мои взгляды за многие годы практического управления на уровне национальных корпораций несколько корректировались. Особенно это касается последней, больше публицистической и поэтической, чем научной, главы о необходимости тотальной «вестернизации» политической системы Казахстана. Многие теперь мне не видятся таким простым и ясным в отношении рецептов политического реформирования республики на тот 1995 г.

* * *

Прежде всего, хотелось бы изложить обновлённое резюме казачьей концепции происхождения казахской национальности, отразить современное состояние и достижения историографии Казахстана по основным проблемам переиздаваемой книги, а также основанные на них коррективы в моих представлениях о происхождении этноса, государственности и трёхжужовости кочевых казахов.

Резюме казахьей концепции в этногенезе казахов

Упрощённая «популярная» схема представления казахьей концепции:

– Центральная Азия – это не Средняя Азия.

Географический центр Азии – на Алтае (Тыва, г. Кызыл), а не в Западном Туркестане.

Центральноазиатские Казахстан и Монголия – западная и восточная от Алтая части Великой степи.

Кыпчакская степь – прежде всего заволжская часть Великой степи.

– Этнос – это образ жизни, культурно-бытовая общность, а не кровное родство.

Язык – необходимое, но недостаточное условие этнической самоидентификации.

Государственность – достаточное, но не необходимое условие этнообразования.

Саки и древние усунь – не предки казахов.

Поздние гунны и древние тюрки – отдалённые предки казахов.

Кыпчаки – далеко не единственные и не главные предки казахов.

Отрар – не казахский город, сожжён прямыми предками кочевых казахов.

Прямые предки кочевых казахов – древние монголы, они же «татарские» казáки.

Местные племена (в т. ч. йемеко-кимаки, телеуты, кыпчаки) приняли или уже имели казачий образ жизни древнемонгольского суперэтноса.

– Центральноазиатское казачество – древний тюрко-монгольский образ жизни древнемонгольского суперэтноса и его субэтноса казахов.

Казáки – свободные «воины-добытчики» и, как правило, богатые *баи* – кочуют отдельными семьями-аулами, «в одиночку» от своих родов и племён (VI–VII вв.).

Внеплеменные казáки для военных целей всегда объединялись в «сотни» и «тысячи», избирали себе предводителей-«родоначальников», *атаманов (ата-мын)*, для господства над родами и племенами в качестве военных вождей с дружинами.

Собственно «Казáкия» и «казацкие ханы» впервые упоминаются в X–XI вв.

– Ханы и каганы (ханы ханов) – военные вожди из казачьих родов, избираемые родоплеменной знатью на верховную власть над их племенами.

«Волчьи» роды кыпчакских Ильбуринов (*Ель-Бори*) и кытских Борджигинов (*Бори-Тегин*) связаны с древнетюркским родом Ашина (*А-Шино*) и с казачьими союзами (*уй-шинов, аргынов и алишинов*), которые, как «тысячи» Алаша (*алашмыны*), также выводят себя от волка.

Племён с названием «тюрк» и «монгол», с нарицательными значениями «крепкий, сильный», никогда не было.

Это были обобщающие политические имена для племён, подчинившихся роду Ашина и Чингисхану.

– В XIII в. Чингисхан всех степняков сделал казакими, ликвидировал племенные ополчения, смешал роды и племена, разделил их по «сотням» и «тысячам» единого и профессионального «народа-войска», *орды*.

Эти «сотни» и «тысячи» дали начало совершенно новым, «политическим» племенам со старыми тюрко-монгольскими названиями родов и племён их военачальников.

– Своему старшему сыну Жошы (Джучи) Чингисхан выделил улус в Казахстане.

После смерти Жошы главным в улусе Жошы Чингисхан назначил второго сына Жошы – Бату, а не первого – Орду.

Батухан расширил пределы улуса Жошы вплоть до Европы и Литвы.

Батухан основал столицу улуса Джучи (Ак Орду) в г. Сарай на Волге и управлял его правым, западным от Волги крылом.

Батухан оставил в управлении Орду-Ежена Казахстан как левое крыло своего улуса Жошы (Кок Орду).

– Батухан во 2-й пол. XIII в. разделил Казахстан на три улуса: выделил внутри улуса Орду ещё два улуса от востока к западу: пятому сыну Жошы – Шибану и тринадцатому – Тука-Тимуру и подчинил их Орду.

От родственного старшинства чингизидов пошло номинальное старшинство этих трёх укрупнённых улусов среди всех прочих.

После смерти Узбек-хана в Золотой Орде (1-я пол. XIV в.) началась «Великая замятня».

Ордуид Урус-хан (прототип Алаш-хана) во 2-й пол. XIV в. сделал независимой Синюю Орду (Казахстан) от Золотой Орды и захватил Ак Орду в целях восстановления единства улуса Джучи.

Но восстановить единство Золотой Орды после смерти батуидов было уже невозможно.

«Правое крыло» батуидов исчезло, поэтому Ак Орда и Кок Орда остались за чингизидами Казахстана.

– В начале XV в. власть в Казахстане узурпировал шейбанид Абулхаир и назвал всех узбеками в честь золотоордынского узурпатора хана Узбека, ранее принятого всеми за батуида.

После реставрации внуками Урус-хана Джанибеком и Гиреем во 2-й половине того же века законной династии ордуидов три укрупнённых улуса Орду, Шибана и Тука-Тимура преобразовались в жузы под началом ордуидов-урусидов.

К этим трём улусам-жузам присоединялись в разной последовательности казачьи роды и племена в зависимости от генеалогической близости их сотников и тысячников к Чингисхану.

– Так возникли три жуза по старшинству чингизидов, а

также их родоплеменные составы по старшинству близости казачьих родов и племён к чингизидам.

Старец Хорчи, он же Усун Эбуген, начальник волхвов и баксы (*Бэхи Ноян*), был выходцем из бааринов, самого старшего из древнемонгольских племён, и, возможно, возглавлял уйшинский союз.

Кадан тайши, он же Аргын Ага, был выходцем из ойратов и, возможно, возглавлял аргынский союз.

Эдыге Бий, выходец из мангутов (*су монгол*), дал начало ногаям, и его потомки, возможно, возглавляли алшинский союз.

– Старший жуз (Уйсынская Орда), Средний жуз (Аргынская Орда) и Младший жуз (Алшинская Орда) – прямые казачьи орды Жуз-Орды (Ак Орды Батухана).

Все остальные орды и улусы смешивались с оседлым населением, назывались по месту нахождения и, как правило, имели единого самовластного хана или бека.

Еке Монгол Улус – казачья метрополия мировой империи, принадлежащей золотому роду Чингисхана.

– Племена в Монголии, в отличие от Казахстана, к XV в. потеряли казачий строй, лишили власти чингизидов и китаизировались.

Закон Чингисхана – коренная религия казахов с тенгрианской верой в Вечное Небо (Кудай) и в дух предков (Аруах) – запрещает казакам оседать.

Во 2-й пол. XIX в. Россия лишает власти казахских чин-

гизидов торе.

Жузовая иерархия политических племён казахов теряет своё значение после схода торе с политической сцены и никогда не была основой кланового трайбализма, присущего кровно-родственным отношениям.

Казахский этнос (и его жузовая организация) исторически складывались из разных народов на социальной основе кыпчак-каза́ков, монгол-казаков, могол-каза́ков, кыргыз-каза́ков, узбек-каза́ков, ногай-казаков, орыс-каза́ков и иных каза́ков без различия по национальностям и расам.

Шала-каза́ками называют только тех, кто не ведёт чисто кочевой образ жизни.

В 30-х гг. XX в. кочевые казахи подвергаются насильственному оседанию и перестают быть казаками.

– В XXI в. построить общегражданскую нацию Казахстана во главе с титульной национальностью может лишь национальная идея модернизации традиционной структуры казахов в части их индивидуальной открытости и конкуренции в культуре, политике, экономике.

Под индивидуальной открытостью как национальным свойством казахов подпишутся все национальности Казахстана.

Это национальное свойство задаст национальную миссию всем казахстанцам – быть этническим образцом информационного общества.

Национальная идея индивидуальной открытости должна

пропагандироваться в образовании.

Надо привести русскую и английскую транскрипции названия страны в наибольшее соответствие с казахской: Казакстан (Kazakstan) – Свободных Стан (Freedom State).

Краткие тезисы к упрощённой схеме казахьей концепции

Этногенез казахов как кочевого тюркоязычного народа связан не с индоевропейскими саками (скифами) и, возможно, ираноязычными усунями как их потомками, а с монголоидными алтайскими племенами пратюрко-монгольской языковой общности. Для сохранения мифа о скифо-сакских корнях казахов больше нет официальных поводов, как это ни прискорбно для «золотого человека», а сходство между гуннами, древними тюрками и казахами по культурно-бытовым признакам больше не выглядит мифологическим. Сомнений в непрерывности и единстве этногенеза казахов на социальной основе казачества остаётся всё меньше. Мифотворческие тезисы «околонаучных» коллег оказались вредны больше по методам их обоснования, чем по их содержанию.

Древнетюркское слово «казак» пока непереводаемо и имеет множество нарицательных значений в смысле «отделившегося», «лично свободного» человека («воина-добытчика», «искателя приключений»). Казаки были не просто бег-

лецами от своего рода, племени и государства, а представляли собой определённое явление, особый институт» казачества (казакования), *казаклык* (*казакламак*). *Хасах терген* как «телега, приспособленная для казакования», выводит казачий быт кочевых казахов от древнемонголов и даже, возможно, древних тюрков. В официальной науке исходное значение термина *казák* – социальное: «изгой, который бродит по разным местам, прокармливая себя мечом своим»; «человек, который пускается в дальний и опасный путь один, без товарищей»; удалой молодец, «неутомимо, с отвагой уго- няющий табуны врага». «Людей, ведших какое-то время образ жизни казака, по необходимости или доброй воле, всегда было немало. . . По понятиям того времени это считалось даже похвальным». Казачество также было воинской культурой батыров. Казаковать – значило быть храбрым до безумия на войне и презирать любую власть в мирное время. Использовать эту казачью вольницу в своих интересах издревле стремились все степные ханы. Создать из неё единое государство смог только Чингисхан. Последними, кто её использовал, были московские князья, получившие ярлык на великое княжение от Золотой Орды.

В экономическом смысле казачество стало высшей стадией кочевничества, выше простого пастушества в натуральном хозяйстве и номадизма, специализированного на кочевом скотоводстве. В политическом смысле казакование всегда было социальным институтом, т. е. определённым обра-

зом жизни в обществе. Казаковали не только простые воины в поисках атаманов и военных вождей, но и сами военные вожди искали дружбы с этими «воинами-добытчиками», так как нуждались в нукерах-дружинниках. После того как казак давал клятву дружбы атаману (хану), тот становился для него «природным господином», т. е. законным государем, до тех пор, пока казак не изменит своего политического выбора. Неожиданная измена такого выбора во время военных действий считалась предательством, греховным злоупотреблением доверием со стороны доверившегося. На этой основе была создана древнетюркская империя под властью дружины позднегуннского, «волчьего» рода Ашина.

Казачья дружина Ашина была переселена на Алтай из Турфана и сплотила вокруг себя «алтайские» племена. Ашина назвал этот союз племён тюркским (*Тюрк Ель*), который держал в повиновении все остальные подчинённые им племена (Тюрк Бодун). Казаки Ашина не разрушали родов и племён, составлявших тюркский союз. Они опирались на них как их ханы. Поэтому тюркский союз племён, без «опорного» коренного племени тюрков, соответственно исчез. Собственно тюрков заменили огузы, уйгуры, кыргызы и иные древнетюркские кочевые племена. Но надплеменные казаки из рода Ашина ещё более размножились и в жёсткой конкуренции время от времени становились ханами и каганами древнетюркских доминирующих племён, привлекая в свои дружины казаков как военных слуг.

Связь аргынов, основного этнообразующего «народа-государства» (еля) в составе казахов, с родом Ашина очевидна. Племенной союз тюркют, т. е. собственно тюрки, которые к 546 г. сплотились на Алтае вокруг рода Ашина, состоял из многих телеских племён: телеутов, гаогюйских динлинов, басмылов и иных «сборных» казачьих предков аргынов. Шакарим в своей «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» тоже считает аргынов потомками древних тюрков хой-ху или хо-хо, т. е. кочевых «уй-гур» с арбой-повозкой, арбалы, основываясь на орхоно-енисейских надписях про Улуг Ергин, по-китайски Бай Егу (Великий Муж). При этом Шакариму было известно про род Аргылот/Ариканут в составе улусов и Джучи, и Чагатая. До создания каганата слово «тюрк» означало лишь название союза десяти. Если учесть, что слово Аргын/Аргун означает с монгольского языка также союз десяти и может быть связано с монгольской рекой Аргун (легендарная местность Эргене Кун), то недостающее звено политической связи Аргынской Орды (Среднего жуза) с «волчьим» родом Ашина будет восстановлена. Легендарная связь Усуньской Орды (Старшего жуза) и Алшинской Орды (Младшего жуза) с этим родом уже известна. Таким образом, не только древнемонгольские бааринские уйшины (уйсун) и мангутские алшины (алшун), но и телеские аргыны (аргун) оказываются легендарно связанными с древнетюркским родом Ашина. Ашина, скорее всего, и был прототипом мифического Алаша/Аланча-хана, ко-

торый был, по Абулгази и Рашид ад-Дину, «предком татар и монгол».

Возможность отделения родов и племён простолюдинов в виде откочёвки пронизывает всю суть управления древнетюркских каганов. Страх перед институтом казакования заставляет их постоянно «вскармливать народ», т. е. организовывать поступление добычи, её распределение и защиту. Специализированное, по сути товарное, кочевое скотоводство не могло обойтись без торговли, а Китай выработал централизованную политику по манипулированию допуском разрозненных степных племён к торговле. Как естественное противодействие данной политике стали последовательно возникать мировые кочевые империи гуннов, древних тюрков и монголов, стремящихся удерживать за собой Великий Шёлковый путь.

В VI–VII вв. началась древнетюркская эпоха, с уже вполне развитой государственностью как надплеменным институтом верховной власти, стоящей над родоплеменным управлением. Пожалуй, в этом отношении следует, наконец, согласиться с Аманжоловым и Адильгереевым, которые ещё в 1951 г. предполагали, что казáки появились уже в VII в. и к X в. должны были быть более-менее организованы как сообщества. Таким образом, тюркские казáки как центрально-азиатские «воины-добытчики» во главе с выборными атаманами, претендующими на роль военных вождей для обращающихся к ним кочевых племён, появились ранее X–XI вв.,

когда впервые упоминаются «Казáкия» (Константин Порфирородный, X в.) и «казацкие ханы» (Фирдоуси, XI в.)¹. Эти казацкие ханы и Казáкия затерялись в анналах истории, скорее всего, потому, что стали подчинены кыпчакскому «волчьему» роду Ель Бори.

Но сами казáки остались. Они были всегда кочевниками, кочующими аулами, т. е. индивидуально-семейным, как правило, богатым *байским* способом. Они нуждались в защите от номадов, которые стояли на более низкой стадии развития кочевой цивилизации, и кочевали таборным, куренным и иными коллективными способами. Как правило, казачьи аулы в лучшие для себя времена для военных целей организовывались по «сотням», но чаще проигрывали племенам, чем выигрывали, так как не составляли государства. Поэтому казáки были рассеяны по всей степи, а в древнем общем тюркомонгольском языке было устойчивое словосочетание «казачья телега» (*хасах терген*), обозначающее беглую юрту.

В начале XIII в. казáк Тэмуджин, он же *Темиршин* (*Темир* – «железный» и *Шино* – «волк»), из «волчьего» рода кият племени тайджиут, создаёт казачью древнемонгольскую империю, где все степные народы превращает из народного

¹ Новейшие историко-филологические исследования доступных вариантов «Шах-Наме» персидского эпоса Фирдоуси (932–1020 гг.) пока не находят этнического термина «казак» (*Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1. С. 370), но это не означает, что Левшин ошибался и ему не были доступны другие варианты. Показания Порфирородного указывают на целую страну с таким названием и являются более ранними.

ополчения в профессиональную армию каза́ков и делит их по сотням и тысячам, а не по родам и племенам. Он опирается на своих каза́ков, а не на родное племя, и называет все степные племена монголами (*мангу-л*), чтобы обозначить политическую программу борьбы с чжурчженьской династией Китая за доступ его казаков-баев к свободной торговле с оседлым населением. Он принимает титул Чингисхан (*Тенгис Каан*) как Правитель Океана «всех поколений, живущих в войлочных кибитках», в т. ч. казачьих (*хасах терген*). Отныне его казачья империя зовётся Улусом Великих Монголов, т. е. «государством-владением», принадлежащим его потомкам из Золотого Рода (*Алтын Ру*) кият-борджигинов. Все роды и племена оказались разрушены, смешаны, распределены по «сотням» и потеряли свою кровно-родственную природу. Но названия родов и племён по-прежнему используются для обозначения «сотен» и «тысяч» Чингисхана, по роду племени их военачальников.

Среди *турлигинов* как коренных тюркоязычных племён Монголии (татары, найманы, кереи, джалаиры, кыргызы и т. п.) были и тюркомонголоязычные племена *Нирунов* (барин, дуклат, ойрат, мангут, барлас, чонос, он же жаньс (?) и т. п.). Среди нирунов выделялось племя тайджиут, в котором был род кият, клан военных вождей. То есть тайджиуты составляли улус рода кият, который, в свою очередь, подразделялся на джуркинцев (юркин), чаншиутов и ясаров, происходящих от первого якобы «Всемонгольского» хана Хабу-

ла. Понятно, что подразделение «синеоких» «волчьих принцев» борджигинов (бори тегин) от отца Чингисхана выдвинулось искусственно и позже, благодаря завоеванию тайджиутов казакскими Чингисхана и уничтожению знати иных подразделений рода кият.

Секрет гражданской войны в Монголии был в том, что во все не «кияты как клан монголов» противостояли тайджиутам. Монголами были не столько кияты, сколько казакские Чингисхана, и именно они противостояли степной аристократии не только племени тайджиутов, но и всех племён нирунов с турлигинами. Противостояние было много шире, социальным, а не этническим. Чингисхан мог и не быть киятом, но это всё равно бы была гражданская война между байскими аулами и племенными куренями, со всеми вытекающими жестокостями. За Чингисханом не стояло никакого племени, это придавало Монгольской империи уникальный, по сравнению с другими кочевыми государствами, характер. Древнемонгольские «тысячи» представляли собой воинские формирования на службе государства, а не племенное ополчение. Впоследствии «тысячи» снова стали преобразовываться в племена», но уже на совершенно иной, потестарно-политической, а не кровно-родственной основе.

Тот «куръёз» казахских многочисленных шежире простолюдинов *кара съёк*, где до имени целого рода или племени шло совсем другое имя совершенно реального человека или где отдельному человеку, наоборот, присваивалось имя це-

лого рода или племени, оказывается, имеет под собой вполне понятное историческое основание и объяснение. В империи Чингисхана вместо прежних родовых и племенных названий появляются названия «тысяч», которые часто именуются прежними родовыми названиями или именами их господ-тысячников. Старец Хорчи, он же Усун Эбуген, начальник волхвов и баксы (*Бэхи Ноян*), был выходцем из бааринов, самого старшего из древнемонгольских племён, и возглавлял, возможно, уйшинский союз. Кадан тайши, он же Аргын Ага, был выходцем из ойратов и, возможно, возглавлял аргынский союз. Эдыге Бий как беклербек и выходец из мангутов (*су монгол*), дал начало ногаям, и, возможно, именно его потомки возглавляли алшинский союз. Многочисленные местные племена йемеко-кимаков, телеутов, кыпчаков, кыргызов, карлуков, канглы и других кочевых, в т. ч. горных и полуседлых, подчинились древнемонгольским союзам племён, приняли или уже имели казачий образ жизни.

В том же XIII в., по завету Чингисхана, посылаются в западный поход за Волгу второй сын Джучи – Бату и все остальные сыновья Джучи, в т. ч. первый, самый старший из них – Орду. Орду владел Казахстаном, левым от Волги (восточным) крылом Улуса Джучи. После этого похода Улус Джучи расширился от Волги до Европы, и Батый сделал свою ставку на Волге в г. Сарай, Ак Орду – столицей Улуса Джучи, называемого русскими Золотой Ордой. Эта Ак Орда также называлась Жуз-Ордой, т. е. казачьей Ордой-Сотней, так как

Бату формировал армию из казаков, в т. ч. из местных. После этого похода Батухан выделяет в левом крыле Орду-Ежена ещё по улусу: Шейбану как пятому сыну Джучи, западнее Улуса Орду, и Тука-Тимуру как тринадцатому сыну, западнее улуса Шейбана. Скорее всего, эти улусы и дали начало трём жузам казахов по старшинству линии чингизидов, так как все эти улусы были номинально подчинены Орду. Родо-племенной состав этих улусов и казахских жузов в основном идентичен и, в свою очередь, связан с генеалогией древне-монгольских племён, из которых происходили сотники и тысячники Чингисхана.

От родственного старшинства чингизидов пошло номинальное старшинство этих трёх укрупнённых улусов среди всех прочих улусов, номинально им подчинённых. Позднее эти три укрупнённых улуса Орду, Шибана и Тука-Тимура преобразовались в жузы под началом ордуидов-урусидов. К этим трём улусам-жузам присоединялись в разной последовательности казахьи роды и племена. В зависимости от генеалогической близости их сотников и тысячников к Чингисхану или – реже – по времени их присоединения к чингизидам определялось их старшинство в этих улусах. Так возникли три жуза по старшинству чингизидов и их родоплеменной состав по старшинству близости казахьих родов и племён к чингизидам.

«Надплеменные» ногаи, как и «надплеменные» моголы, действительно были родственными племенами с «надпле-

менными» казахами, и их политическая принадлежность к торе, а также связь генеалогии их племён с генеалогией их торе были уже известны к моменту присоединения к казахам. Но как моголы, так и ногаи лишь вошли в состав Старшего и Младшего жузов соответственно, а не составили их. Только в этом смысле условность такого строгого, прямого старшинства всех родов и племён сквозь все жузы была бы приемлема как для казахов, так и для ногаев с моголами, лишившимися своих династий торе.

В середине XIV в., после усиления власти родоплеменной знати «правого крыла» Улуса Джучи и умерщвления всех батуидов ханами Тохты и Бердибеком, старшинство Орду давало право всем потомкам Орду претендовать на главный трон Золотой Орды в Сарае. Что, собственно, и сделал во 2-й пол. XIV в. Урус-хан (годы прав. 1368–1377), потомок Орду-Ежена, самого старшего внука Чингисхана. Он как прототип Алаш-хана «объявил» независимость Синей Орды (Казахстана) от Золотой Орды, когда в ней была «Великая зямтя», захватил Ак Орду, чтобы восстановить Улус Джучи. Но восстановить единство Золотой Орды после смерти батуидов было уже невозможно. Ак Орда и Синяя Орда остались за чингизидами Казахстана. При этом он потерял свою родную столицу Сыгнак (Кок Орду), которую захватил тука-тимурид Тохтамыш при помощи Тамерлана. После чего Тохтамыш захватил также и Сарай (Ак Орду), изгнал Уруса, но стал враждовать с Тамерланом. Тому пришлось разрушить

почти все поволжские торговые города Золотой Орды и вернуть сыгнакский трон Койричаку (Куюрчуку), сыну Уруса. С тех пор единый Улус Джучи как Золотая Орда со столицей в Сарае исчезает, а Ак Орда и Кок Орда в политико-правовом отношении смешиваются или совмещаются и становятся собственностью урусидов как династии казахских ханов.

Впоследствии (нач. XV в.) шейбанид Абулхайр-хан организовывает устранение урусидов Барак-хана и узурпирует власть в Казахстане, называет его Улусом Узбеков по имени золотоордынского узурпатора шейбанида Узбек-хана, принятого всеми в своё время за батуида. В середине того же века, после смерти Абулхайра, урусиды Гирей и Джанибек восстанавливают законную династию Урус-хана в Казахстане. Но поскольку среди их узбеков-урусидов не было единого хана, постольку они стали называться не урусами, а просто казакáками, в то время как откочевавшие в Среднюю Азию узбеки-шейбаниды торе-казакáка Мухамеда Шейбани оставили имя Узбека себе. Таким образом, казакáки называли себя, наконец, именем своего социального образа жизни.

С этого момента казакáки древнемонгольского суперэтноса локализуются в Казахстане, а их «сотни» и «тысячи» снова обретают родоплеменной характер на потестарно-политической основе. Казакáки меняли свои названия, но всегда оставались под властью рода и Закона Чингисхана. Обозначение в послемонгольскую эпоху казахских степей как кыпчакских весьма условно, а тюркизация древнемонгольских родов и

племян в них явно преувеличена как ассимиляция монголоязычных этносов. Собственно кыпчаки, в отличие от йемеков (кимаков), телеутов и иных казачьих кочевников Казахстана, жили почти полуоседло на западе за Волгой. После того как родоплеменная аристократия кыпчаков (род Ель Бори) была уничтожена монголами, то собственно кыпчаки, как и древнемонгольские татары, были рассеяны по сотням и лишены какого-либо политического и, следовательно (в условиях степного быта), этнического доминирования.

Таким образом, к началу XVI в. завершилось, а не началось формирование собственно кочевых казахов как единой национальности без какого-либо подразделения на особые народности. Все ели казахов как народы-государства были политическими племенами и не составляли особых народностей, поскольку все их культурно-бытовые признаки были полностью унаследованы ими без каких-либо отличий от образа жизни древнемонгольского суперэтноса. Более того, эти культурно-бытовые признаки идентичны даже древнетюркскому суперэтносу, за исключением социально-политического устройства древних тюрков по кровно-родственным родам и племенам. Таким образом, в XVI в. казаки превратились в собственно казахов и стали отличать себя от полуоседлых украинских и русских казаков, не забывая о своей исторической и социальной родственности с ними. Коренные русские казаки («ордынские») везде, а не только на южных окраинах Руси, произошли от древнемонгольских, «та-

тарских» казáков Золотой Орды и встали на службу Московской Руси лишь после её «освобождения» от монголо-татарского ига.

В составе казахов никогда не было какого-либо родоначальника или племени по имени *казáк*, которое могло бы передать казахам своё имя. Это говорит о чисто социальном сложении этноса казахов, а не о его молодости. Знаменитая «откочёвка» казахских ханов в Могулистан лишь обозначила переименование кочевых узбеков в казáков (казахов). Социальный статус «свободного состояния» был у древних монголов и стал у кочевых казахов полноценным этническим признаком. Это вполне естественно, если полагать за основание этноса образ жизни, стереотипы поведения и иные культурно-бытовые свойства социальных общностей, а не их кровно-родственные, расовые и иные антропологические признаки, которые технически (формально-определённо) не выдерживают никакой научной критики как этнообразующие факторы более-менее больших родов, племён, народностей и т. п. Таким образом, недавно обрётённая мода в издании и, соответственно, в цитировании исторических источников исправлять слова *казáк*, *киргиз-казáк* или *кайсак* на русское современное слово *казах* неприемлема в принципе, так как вносит неразбериху в историю, этимологию и семантику этнонима казахов.

Казахский *шаруа*, как и древнемонгольский *карачу*, есть «рядовой кочевник – юридически свободное лицо» со все-

ми личными и имущественными правами, но как истинный казák он был обязан нести воинскую повинность по ещё действующему таким образом Закону Чингисхана, и носить оружие, без которого он терял право голоса в народных собраниях. Одним словом, хан был просто верховным судьёй и главнокомандующим с обязанностью охранять общественный порядок и территорию, а также правом вести переговоры с иными странами и народами. Казачья судьба казахских чингизидов незавидна: «сегодня беглец, а завтра хан» и наоборот. Даже престарелые ханы, как «не самовластные... и не наследные», вынуждены были как батыры вызываться и погибать в поединках с молодым врагом перед битвами.

Религиозный культ Чингисхана имел колоссальное значение в жизни казахов. Шаманы-баксы во время магических обрядов призывали на помощь дух великого завоевателя, а простой люд чтит его потомков не столько даже как властителей, а именно как представителей священного рода. По этой причине казахская степь в XIX в. стала единственным местом на земле, где чингизиды сохраняли свою власть.

Как и прежде, основу улуса как «государства в наследственном владении» хана представляют *орда и ель*. *Орда* это «народ-войско», состоящее из войсковой ставки хана и военной дружины казáков-нукеров хана. *Ель* это «народ, составляющий государство», союз кочевых племён, родов и простых казаков, «уход которых означал развал, гибель улуса». Улус имеет подконтрольную территорию *журт, йурт*. Таких

улусов в Казахстане как казачьей вольнице всегда было много, в XVII в. не менее двадцати, но все они как-то номинально были организованы по старшинству вокруг трёх укрупнённых улусов, журты которых впоследствии совпали с жузами, когда Россия, Средняя Азия и Китай замкнули накрепко свои границы вокруг казахских степей.

Единого казахского ханства никогда не было, и казахские ханства после XVI в. – это история заката Монгольской империи. Если всё начинается с таких действительно могущественных царей, как Урус-хан или Касым-хан, то заканчивается вся суверенная история на Аблай-хане и Абулхаир-хане, которые больше походили на атаманов разбойничьих шаек, нежели глав государств. Всякий, кто подробно изучал историю Казахстана XIX в., знает, что российские чиновники едва не сходили с ума в попытках обуздать барымту и установить порядок в степи. Доносами и клязумами казахов друг на друга до сих пор набиты многие российские архивы. Подлинно глубокая и красивая поэзия жырау сменяется примитивным рифмоплётством акынов. Казахи зачастую сами убивают последних пассионариев, а Алаш-Орда – подлинный цвет нации – получает мизерную поддержку среди народа. Заканчивается это всё неизбежной трагедией.

С момента потери необходимости, да и возможности откочёвок для казакования, в поисках новых государей и государств, древнемонгольские казáки стали превращаться в современных казахов. Вот почему пресловутые «казачьи теле-

ги» (казак терген) как войлочные «кибитки на арбах» заменяются разборными юртами в том же веке, внося в культуру и быт казахов как этноса кардинальные изменения. То есть истинно новый, «неимперский» этнос стал рождаться только в XVII в. на обломках суперэтноса древнемонгольской казачьей империи Чингисхана. Этнос казахов стал присоединяться к России в 30-х годах XVIII в. и насильственно был приведён СССР к оседанию в 30-х годах XX в. В процессе седентарной коллективизации, известной как «казахстанская трагедия», в результате голощёкинского голодомора и откочёвок потеряно около двух третей численности казахов.

На наших глазах, уже в XXI в., этот новый этнос казахов для себя решает: развиваться ли ему, как и прежде, в общегражданском смысле надэтнической нации во главе с титульной, рыночно-ориентированной национальностью, или же обособиться на основе языка и государственности титульной национальности, прозябать как этнократическое, нерыночное общество? В настоящее время создать общегражданскую нацию Казахстана во главе с титульной национальностью может лишь национальная идея модернизации традиционной, казачьей культуры казахов в части их индивидуальной открытости и конкуренции в культуре, политике, экономике. Под индивидуальной открытостью как национальным свойством казахов подпишутся все национальности Казахстана. Это национальное свойство задаст общегражданской казахстанской (казахской) нации национальную мис-

сию – стать этническим образцом информационного общества. Для начала, следуя существующей на сегодня ономастической логике, надо привести в соответствие русскую и английскую транскрипции названия страны в соответствие с оригинальной, казахской: Казакстан (Kazakstan) – Свободных Стан (Freedom State).

Национальная идея не столько создаётся, сколько открывается как реальность. Любая национальная идея, казахская, русская и т. д., состоит из признания того национального свойства, которое задаёт национальную миссию любого народа и спланирует его как этнос на основе культурно-бытовой идентичности. Рано или поздно мы будем строго различать этничность и гражданство и признавать за национальностью лишь гражданство. Пока же необходимо различать этносы на уровне национальности и на уровне нации. К сожалению, нации как общегражданские общности с индустриальной культурой, в отличие от национальностей, как правило, не существуют без национального государства в своём начале. Поэтому внедрение каких-либо либерально-демократических ценностей будет терпеть неудачу, если не будет снабжено национальной идеей, адекватно задающей самоидентификацию населения как единого этноса. Государственное целеполагание в виде политических и экономических стратегий не заменяет национальной идеи. С другой стороны, любая национальная идея в отрыве от либерально-демократических ценностей сама будет неадекватной,

так как станет противоречить глобальному историческому процессу накопления информации. Национальная идея индивидуальной открытости казахов выведет общегражданскую нацию Казахстана не только на индустриальный, но и на информационный уровень культуры общения. Именно она пропагандируется в Политике Развития Образования РК «Информационное общество-2030», изданной научно-образовательным фондом «Аспандау» (www.aspandau.kz).

* * *

После краткого изложения казачьей концепции в этногенезе казахов и модернизации их внеплеменных традиций необходимо привести анализ последних достижений казахстанской историографии в части поддержки указанной концепции.

Исследования В.П. Юдина

В 2001 г. редакционная коллегия под председательством И.Н. Тасмагамбетова издала сборник работ блестящего казахстанского исследователя Юдина Вениамина Петровича «Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда». В нём впервые опубликована его статья от 1967 г. об исследовании этимологии этнонима «казах (казак)». Переоце-

нить значение этого историко-лингвистического труда для историографии Казахстана крайне сложно.

В этой статье Юдиным представлен обстоятельный разбор 22 гипотез по этимологии этнонима «казак» с однозначным выводом: «Ни основные, ни побочные значения слова, так же как его фонетико-морфологическая структура, не содержат указания на корень, от которого оно могло бы быть производным. Именно это обстоятельство и послужило причиной того, что до сих пор не установлен даже его язык-источник» (с. 147–156). Особого внимания заслуживает вполне обоснованная новая гипотеза Юдина о связи этнонима «казак» с древнетюркским словом «казгак» (с. 161) со значением «добытый», точнее, «приёмный» (по Радлову) из рунического памятника от VIII в. с реки Уюк-Туран. Учитывая непосредственное знакомство В.П. Юдина с источниками на их оригинальных языках и соответствие этой гипотезы нарицательным общепринятым значениям этнонима «казак» («вольный» и т. п.), эта гипотеза задаёт наиболее перспективное направление научных исследований. Таким образом, Юдиным подтверждается компетентность исторического заключения Левшина о непереводаемости и нарицательности значений древнетюркского слова «казак» в смысле «отделившегося, лично свободного» человека («воина-добытчика», «искателя приключений») и об излишестве этимологических споров вокруг них.

Касательно подтверждения концепции казачьего проис-

хождения казахского этноса особенно важным нам представляется его указание, со ссылкой на Gabain A., что «в истории тюркских народов казаки были не просто беглецами, а представляли собой определённое явление, особый институт» казачества и казакования, *казаклык* и *казакламак* (с. 140). Его последующее утверждение, со ссылкой на авторитет Б.Я. Владимирцова, что «словосочетание *хасах терген* «казачья, казацкая телега», «телега, приспособленная для казакования», отнюдь не «казахская телега»... употреблялось в памятниках монгольской письменности, представляло собой «параллель применению слов *казак* и *казаки* в тюркских и персидских языках» и «в фонетических вариантах сохранилось в качестве скованного словосочетания почти во всех современных монгольских языках» (с. 147), окончательно убеждает нас в обоснованности нашего вывода казачьего быта казахов не только от кыпчаков, но и от древнемонголов.

Конечно, казачья телега это «отнюдь «не казахская телега», но она лежит в материальной основе этногенеза казахов. Наряду с признанием казачества социальным институтом признание Юдиным древнемонгольской *хасах терген* казачьей кибиткой, т. е. беглой крытой телегой («юртой-арбой»), создаёт вполне верифицируемый (научно проверяемый) культурно-бытовой признак этнической самоидентификации и группового обособления казаков среди «всех поколений, живущих в войлочных кибитках» Чингисхана, как «отделившихся от рода и племени» кочевников. Вряд ли из-

начально казаки были родом войск, как допускал это В.П. Юдин (с. 155), или привилегированным военным сословием, каковым они становились только среди подвластного им оседлого населения. Скорее всего, они были, частично, до победы Чингисхана и стали, все полностью, после его воцарения, «принятыми» и выставляемыми воинами, т. е. распределёнными по сотням и тысячам, а не по родам и племенам. Это казачье социальное устройство по «сотням» коснулось не только древних монголов с кыпчаками, но и кочевых узбеков с ногаями. В рецензии на «Государство кочевых узбеков» Б.А. Ахмедова Юдин однозначно идентифицирует, со ссылкой на «Бахр ал-асрар» Махмуда бен Вали, такое специфическое название, как Жуз-Орда («Юз-Орда»), с Ак Ордой, т. е., в понимании Юдина, с Улусом Джучи (Золотой Ордой). Он переводит это выражение как «Орда-Сотня», а не «сто орд», так как последнее по законам тюркского языкознания недопустимо (с. 256–267).

Таким образом, при Чингисхане это был уже единый народ со своим устоявшимся аульным способом кочевания, общим тюрко-монгольским языком и вполне развитой государственностью. Он был назван Чингисханом сначала монголами, которых китайцы и русские упорно звали татарами, потом стал где-то узбеками, а где-то ногаями, но всегда оставался казаками по образу жизни, т. е. этнически. Казаки меняли свои названия, но всегда оставались под властью рода и Закона Чингисхана, даже тогда, когда локализовались в Ка-

захстане. После чего казаки превратились в собственно казахов и стали отличать себя от украинских и русских казаков, татар, узбеков, кыргызов и т. п. национальностей, сложившихся от вхождения остатков ногай-казаков, узбек-казаков, киргиз-казаков (и, возможно, иных казаков) с соседними, по преимуществу оседлыми этносами.

Исходя из вышеизложенного, мы не можем согласиться с Вениамином Петровичем относительно «сравнительно недавнего сложения казахской народности» по причине отсутствия в составе казахов какого-либо господствующего рода или племени казак, которое могло бы передать «племенному союзу, перерастающему в народность», своё имя (с. 146). И по сей день почти все казахи, увлекающиеся своими родословными (шежире), каждый на свой лад, включая моего отца Илью Айсаевича Нурова, уверены, что личности человека-родоначальника с именем Казак никогда не существовало. Это говорит скорее о чисто социальном сложении этноса казахов, чем о его молодости. Также осталось неясным, почему В.П. Юдин никак не комментировал общепризнанные показания Порфирородного (X в.) и Фирдоуси (XI в.) о «казаках», «Кзакии» и «ханах казацких», когда настаивал на определённости того, что «слово казак в источниках домонгольского времени пока не зарегистрировано» (с. 144). Видимо, это категоричное заявление следует отнести только на счёт тюркских языков и источников.

В статье о персидских и тюркских источниках Юдин ясно

указывает, что подданные не только позднего Абулхаир-хана, но и более раннего «Урус-хана, основателя династии казахских ханов... были кочевыми узбеками» (там же, с. 45) и что «и Гирей, и Джанибек носили титул хана» уже «в рамках империи Абулхаир-хана» (там же, с. 47). Учитывая, что эти ханы в шейбанидских источниках не указывались в числе непосредственных «вассалов» Абулхаира, можно сделать вывод не только об идентичности кочевых узбеков Узбек-хана больше с казахами, чем с узбеками, но и об автономности казахских ханов в государстве кочевых узбеков. Всё это естественно подтверждает устами такого авторитета, как Юдин, нашу гипотезу о более раннем, как минимум на 100 лет, сложении казахской народности, чем знаменитая откочёвка этих ханов в Могулистан, которая лишь обозначила завершение и переименование кочевых узбеков в кочевых казаков (казахов).

Также важными для корректировки наших представлений о связях казахов и тьянь-шаньских киргизов имеют указания Юдина на их политический союз в чагатаидских источниках, когда Киргизия в 1537 г., согласно «Бадаи ал-вакаи» Зайн ад-Дина Васифи, «первоначально и носила наименование Казахстан» (там же, с. 52), а «киргизы не имели своих ханов» и «вплоть до середины XVIII в. находились в сфере политического влияния казахов» (там же, с. 53). Вследствие чего «в персоязычных нарративных источниках становится обычным употребление киргизов и казахов рядом», и «этно-

нимы эти... (...кыргыз бен казак, т. е. киргизы и казаки) начинают восприниматься не как два различных термина, соединённые союзом, а как единый» (с. 54). А в «Письме султанов и биев Большого жуза на имя имп. Анны о принятии их в российское подданство» от 1733 г. бии Старшего жуза сами себя называют биями киргиз-казаков (кыргыз-казакынын бийлеридін), чем вызывают к жизни русский термин киргиз-кайсаки (с. 54). В рецензии на «Описание уйгурских рукописей» А.М. Мугинова есть указание В.П. Юдина, что «именно на территории Киргизии на Чу и Таласе первоначально сложилась и затем развивалась собственно казахская государственность на этнической основе формировавшихся в этот период казахской и киргизской народностей, связанных политическим союзом» (с. 255).

Таким образом, в представляемой здесь книге этническая родственность и политическая близость казахов и киргизов были значительно недооценены для исследования как истории Старшего жуза, так и близости нарицательных значений этнонимов «могол», «казак» и «кыргыз» как «степных бродяг» (по Вамбери). Полагаем, что киргиз-казаки сыграли не меньшую, если не большую, роль в формировании родоплеменного состава Старшего жуза, чем могол-казаки в отношении того же жуза, а также чем узбек-казаки в формировании состава Среднего жуза и ногай-казаки – Младшего.

К сожалению, В.П. Юдин не оставил после себя ясно аргументированной гипотезы возникновения трёх жузов каза-

хов, но зато утвердил нас в предположении их связи с древнемонгольской империей тем, что «во взаимном расположении казахских жузов, видимо, зафиксирована последовательность распространения власти казахских ханов на территории Казахстана», и тем, что «главным в том, почему они были Старшим, Средним и Младшим, было их властно-политическое ранжирование» (с. 255).

Юдин также своими указаниями на сознательное укрытельство в степи казахскими ханами «среднеазиатских суфийских орденов» и на то, что казахов «среднеазиатские богословы особой фетвой... объявили отступниками от веры» (с. 64–65), подтверждает нашу версию о суфийском, т. е. неортодоксальном и несуннитском, происхождении казахского ислама и рода Кожа. Их суфийские корни позволили не разрывать укоренившихся связей казахов с тенгрианством («тэнерайством»), основанном больше на митраизме (восточном зороастризме), чем на шаманизме.

В статье о могулах Юдин хоть и косвенно, но весьма точно подтверждает наш вывод о древнемонгольских корнях современных как татар, так и казахов. В частности, он пишет о «переоценке волжских булгар и недооценке роли кыпчакского элемента» в «изучении этнической истории волжских татар» и при этом как бы отождествляет кыпчаков с монголо-татарами, говоря буквально: «кыпчаков (монголо-татар)» (с. 100). В представляемой нами концепции казахьего происхождения мы настаиваем на условности обозначения

казахских степей как кыпчакских (Дешт-и Кыпчак) в после-монгольскую эпоху и на преувеличении тюркизации древне-монгольских родов и племён в них как ассимиляции монголоязычных этносов. По Рашид ад-Дину, древние монголы были явно не столь монголоязычны (с. 107), как современные монголы (халхамонголы). А кыпчаки, в отличие от кимаков и иных казахских кочевников Казахстана, господствовали в казахских степях за счёт того, что в политически доминирующей основе своей жили почти полуоседло на окраинах государств Хорезмшаха (за Сыр-Дарьёй) и древнерусских княжеств (за Волгой). После того как родоплеменная аристократия кыпчаков (род Ель Бори) была уничтожена монголами, то собственно кыпчаки, как и древнемонгольские татары, были рассеяны по сотням и лишены какого-либо политического и, следовательно (в условиях степного быта), этнического доминирования.

В этом смысле доминирование мангытов (знаменитое древнемонгольское племя «мангуд») в Ногайской Орде за Волгой, которые назывались вначале ногайцы по имени хана Ногая, сына Татара, сыграло не меньшую роль, чем болгарский или кыпчакский элементы в сложении современных татар. По крайней мере, внешнее название «татары», данное русскими древнемонгольской Золотой Орде, стало самоназванием крымских, казанских и иных татар. Так что связь по имени между древнемонгольскими татарами и современными была не случайна и, возможно, существовала в своё

время не только по имени. Соответственно этому связь казахов с древнемонгольским происхождением как по имени, так и по родоплеменному составу становится ещё более очевидной, чем ранее.

Учебное пособие «История Казахстана и Центральной Азии»

В том же 2001 г. и в том же издательстве под редакцией д.и.н. М.Х. Абусейтовой, д.и.н. Н.Э. Масанова и д.и.н. А.М. Хазанова вышло чуть приметное учебное пособие для студентов, аспирантов и учёных «История Казахстана и Центральной Азии». Это пособие ознаменовало собой совершение тихой революции в историографии Казахстана в отношении подтверждения вышеописанных подходов автора к рассматриваемым здесь проблемам. Конечно же, учебное пособие не сравнить с новаторскими гипотезами «переднего фронта науки», хотя там, кроме ответственных редакторов, были представлены ещё три маститых исследователя: Ж.Б. Абылхожин, С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов, но тем оно и ценно, что представляет собой коллективный образовательный документ, в котором каждое слово и тезис должны быть выверены и согласованы как верифицированные и консервативные положения науки.

Начнём с того, что в этом пособии чётко разделяются истории территории и этноса Казахстана, вследствие чего под-

разумеается и, по сути, показывается отсутствие связи этногенеза казахов с индоевропейскими саками (скифами) как «прямыми потомками андроновского населения – ариев, туров и дахов» (там же, с. 43). Про европеоидных, но, наверняка, уже тюркоязычных усуней Семиречья (первые века н. э.) сказано в основном лишь то, что они являются «непосредственными продолжателями сакских традиций» (с. 45). Это обусловлено, видимо, недостаточностью проверенных сведений по ним и тем, что «подлинное изменение этнической, расовой и культурной обстановки связано с поистине эпохальным событием – Великим переселением» (с. 45) народов с Востока, начатое гуннами (IV–VII вв.). После чего даются все необходимые ссылки на сведения из исторических источников, достаточные для необходимого установления возможности этнической связи казахов как кочевого тюркоязычного народа с монголоидными «алтайскими племенами... пратюрко-монгольской языковой общности» (с. 48): поздними гуннами, древними тюрками и монголо-татарами, не говоря уже о кочевых узбеках, ногайцах и киргизах. Таким образом, для сохранения мифа о скифо-сакских корнях в этногенезе казахов больше не остаётся официальных поводов, как это ни прискорбно для взлелеянного как предка казахов «золотого человека».

Интересным в данном пособии представляется установление, наряду с китайским, центральноазиатского хозяйственно-культурного типа (ХКТ) в виде кочевого и полукочевого

го скотоводства на рубеже II и I тыс. до н. э. на территориях вокруг современной «внешней» Монголии: от Восточного Туркестана с запада до Южной Маньчжурии на востоке, от Гоби и Ордоса с юга до Тувы и Забайкалья на севере (с. 50). Это укрепляет нас в предположении, что в Средней Азии и Казахстане до Великого переселения народов центральноазиатского ХКТ не было, как, впрочем, и военно-демократического устройства кочевых «алтайских» племён-государств, несмотря на общий скифский прототип материальной культуры. По крайней мере, сведения из исторических записок Сыма Цяня (135–67 гг. до н. э.) о центральноазиатских кочевниках VII–VI вв. до н. э. «ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах» (с. 50), но удивительно схожи с более поздними описаниями гуннского, древнетюркского, монголо-татарского и ногайско-узбекского быта, в социокультурном смысле связанного с казахским.

Так, со ссылкой на китайские источники пособие приводит следующие сведения о племенах Внутренней Монголии жунах и дунху: «...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде... живут в круглых юртах, из коих выход обращён к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс... кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет своего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины

до последнего подчинённого каждый сам пасёт свой скот и печётся о своём имуществе, а не употребляют друг друга в услужение...

В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом... Высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т. е. выборным старейшинам и вождям), руководствуясь искренностью и преданностью» (там же, с. 51).

Древнее китайское указание (VII в. до н. э.) на изначально «сотенную» организацию общин «восточных варваров» и то, что они «не были политически объединены» (с. 51), наталкивают на следующую мысль. Над всей совокупностью более или менее лично свободных кочевников Центральной Азии обретали попеременное господство различного рода доминирующие племена, под именами которых кочевники и пребывали, пока Чингисхан не восстановил, наконец, их сотенную организацию снова, но уже в рамках единой империи без какой-либо наследственной родоплеменной аристократии.

Если учесть в отношении первого такого племенного союза, что «антропологически хунну были монголоиды, что подтверждают материалы их хуннских погребений Монголии» (с. 58) и что язык поздних «северных» гуннов, откочевавших в I в. н. э. в Семиречье и Восточный Казахстан («земли усуней»), был одинаков с древнетюркским языком гаоюйцев по вполне осведомлённому китайскому источнику

(с. 69), то вышеуказанные предположения о возможных опосредствованных связях между гуннами и казахами по культурно-бытовому признакам не должны выглядеть мифологическими. (В конце концов, мифотворческие тезисы К. Даниярова и Б. Адилова вредны науке не столько по содержанию выдвигаемых ими тезисов, сколько по методам их обоснования, которые «надолго и всерьёз» отталкивают науку от смелых, интересных научных идей.)

Аммиан Марцеллин, вполне известный и авторитетный римский автор V в., подтверждает предположение о схожести быта и нравов гуннов с более поздними монголоидными и тюркоязычными кочевыми народами: «...все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками... кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; и на чужбине они не входят в жилище за исключением крайней необходимости... они плохо действуют в пеших стычках, но зато как бы приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошадёнкам, и иногда, сидя на них по-женски, они исполняют на них все обычные свои дела... если случится рассуждать о серьёзных вещах, они все сообща советуются в том же обычном порядке; они не подчиняются строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают всё, что попадает на пути... У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибит-

ками, в которых они проводят жизнь» (там же, с. 66–67).

Приведённые показания Сыма Цяня и Аммиана Марцелина как нельзя лучше дополняют сведения представляемой читателям книги. Если же добавить к ним показания о древнетюркских союзах, то сомнений в непрерывности и единстве этногенеза казахов на социальной основе казачества как высшей стадии кочевничества остаётся ещё меньше.

«И воссели над людьми мои пращуры Бумын-каган и Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и установили Тёрю (Закон) народа тюрков» – так повествует о начале тюркского эля Йоллыг-тегин, первый тюркский летописец, на двух каменных стелах в 732 и 735 гг. близ р. Орхон, посвящая их Бильге-кагану и Куль-тегину (там же, с. 74). Нет необходимости указывать на идентичность тюркского Эля по этимологическому происхождению и семантическому значению с казахским словом «ель», обозначающим кочевой «народ-государство». Примечательно, что тюркское слово «бодун» (Тюрк Бодун) означает совокупность племён, «народ, состоящий из отдельных племён» и отличается от собственно тюркского племенного союза – Тюрк Эль (с. 79), который их скрепляет. Бодун тем самым напоминает собой древнемонгольский и казахский журт в значении подконтрольной территории. Если не учитывать имперские древнемонгольские уделы (*улусы*) как наделы (позднее сменённые казахскими жузами), с их *ордами* («народ-войско») в центре управления как войсковыми став-

ками, то тождественность социально-политического устройства древних тюрков, монголо-татар, кочевых узбеков и казахов будет налицо. Даже тюркское Тёрю, означающее Закон, идентично с казахским Торе, означающем закон (порядок) вообще и сословие «правосудных» чингизидов, охраняющих Закон Чингисхана (Жасак) в частности. В этом отношении примечательно очередное совпадение вышеуказанных монголоидных хуннских погребений и данных тюркоязычных стел по местонахождению в Монголии, в смысле сложения антропологического типа и языковой принадлежности тюркских казаков как кочевников из разных родов и племён.

Их консолидация привела «во второй половине I тыс. к созданию тюркоязычными племенами крупных государственных образований (каганатов) на территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: первого Тюркского каганата, Восточнотюркского каганата, Западнотюркского каганата, Тюргешского каганата, Уйгурского каганата, а также государств енисейских кыргызов, карлуков, кимаков и приаральских огузов (гузов). Это время принято называть древнетюркской эпохой» (там же, с. 75). Налицо этимологическая и семантическая идентичность древнемонгольского слова *Каан* (не путать с просто *Кан*, по Владимирцову) и древнетюркского слова Каган, обозначающих статус верховной власти «хана над ханами».

А сохранение в чистой форме обычая поднимать их на

белой кошме, как в 551 г. Бумын был поднят при провозглашении его каганом Тюркского Эля (с. 78), сомнений насчёт единства древнетюркской эпохи (от тюркютов вплоть до древних уйгуров и кыпчаков) не оставляет. Да и сомнений в части наличия многочисленных элементов казачества, как социального института и этнического образа жизни, становится всё меньше. Различия в политических самоназваниях древнетюркских государств, повторимся сами и повторим иных (в т. ч. В.П. Юдина), проистекали от знатных родов доминирующих племён и не должны нас вводить в заблуждение относительно исчезновения целых народов.

В этом смысле крайне интересными и важными представляются сведения тюркской легенды и китайских исторических хроник от VI в. о том, что среди группы позднегуннских племён, переселённых около 460 г. из Турфана на Алтай монголоязычными жуань-жуанами (аварами), было и племя потомков Ашина, давшего начало древнетюркской государственности. При этом Ашина привели с собой этническую группу из ираноязычного индоевропейского населения согдийцев и тохар, «оказавших огромное воздействие на всю культуру и государственность древних тюрков» (там же, с. 76). Таким образом, мы имеем право предполагать не только социально-политическую, но и историко-культурную основу непрерывности этногенеза казахов как тюркских казаков от поздних гуннов до кочевых узбеков. «Само слово Ашина имеет иранскую этимологию и означает синий, тёмно-си-

ний», что связано с царской ономастикой Восточного Туркестана, следовательно, название народа, подвластного потомкам Ашина *Кок Тюрк*, надо переводить по законам тюркского языкосложения не как Синие Тюрки, а как Ашина и Тюрки». На Алтае «светлый» род Ашина, якобы происшедший от волчицы, постепенно консолидировал вокруг себя местные, так называемые «алтайские» племена и дал новому, отличному от ранних и поздних гуннов, племенному союзу название Тюрк по легендарному местному названию Алтайских гор (там же, с. 75–76). Отсюда, видимо, следует совпадение мифологического происхождения мифического Огуз-кагана древних уйгуров (возможный прототип – гуннский Модэ) и реального древнемонгольского Чингисхана от серого «сивого волка» (монг. «Борте-Чино»), а также казахских «сынов Алаша» от пегого волка.

От этого иранского следа позднегуннского «волчьего» рода древних тюрков и проистекают митраистские (зороастрийские) корни древнемонгольского тенгрианства и до сих пор сохранившегося в казахском быту обозначения исламского Аллаха персидским словом «*Кудай*», также обозначающим единого Бога. Подтверждением тому служат необъяснимые сведения об идентичности в VII–VIII вв. культа Тенгри-Умай, Солнца и Луны, а также всех иных деталей религиозно-мифологического пантеона древних тюрков Центральной Азии (монгольские орхоно-енисейские стелы), гуннов Кавказа («История авган» Мовзеса Каганкаттвачи от

X в.) и родственников им дунайских болгар (греческая эпиграфика Мадары). Среди этих схожих деталей есть детальные совпадения показаний Мовзеса о кавказских гуннах, что «наряду с проявлениями скорби (плача и царапания щёк ножом) на кладбище устраивались конные скачки, игры «по демонскому их обычаю» и «предавание разврату», с одной стороны, и аналогичных показаний китайского источника о похоронах знатного тюрка в VI в. – с другой, где «родственники умершего убивают жертвенных животных, надрезают себе в знак скорби щёки, после чего устраивают конные скачки и игры юношей и девушек», которые «носят эротический характер» и после которых «родители молодых договариваются о браках» (там же, с. 146). Особенно необъяснимо совпадение с обоими этими показаниями уникальных эротических игр казахов на публичных празднествах и сборах, включая различного рода асы (поминания).

Но если для объяснения всех этих культовых совпадений гуннов и тюрков принять положение пособия о том, что тюркоязычные этнические группы Прикавказья и Северного Кавказа IV–VI вв., к которым принадлежали гунны Дагестана, неотделимы от основной массы гунно-болгарских племён и надёжно связываются с западной миграцией части союза племён теле (тегрег), на основе которого в Центральной Азии сформировались в V–VI вв. новые племенные союзы кочевых гyzов («тогуз – огуз») и древних уйгур («он уйгур»), доминировавших до монголов (там же, с. 144), то то-

гда следует признать правомерность представляемой читателям книги в части отождествления басмылов (теле) с казахскими аргынами, которые как центральный этнообразующий субстрат казахов не могли «никуда исчезнуть» и «внезапно появиться». Известно, что эти гаогюйские телеуты, которых называли тележниками (кит. теле, монг. тегрег), сами называли себя огурами (огузами) и не отличались от тюрков по языку и образу жизни, были многочисленны, но не консолидированы вплоть по VI в., пока их не возглавили древние, т. е. кочевые уйгуры (там же, с. 78). Если учесть, что теле по тюркской легенде были «родичами Ашина, поселившимися на р. Чжучже» (с. 80), возможно, такими же, как кыпчаки с енисейскими кыргызами, и принять этимологическую и семантическую связь Ашина и Алаш(а), а также то, что огузы в лице басмылов или бай-егу, по родословной Шакарима, как-то доминировали над весьма многочисленными найманами во время первых кара-китайских ханов, то выведение Гумилёвым и Шакаримом аргынов от древних уйгур-огузов, или иначе телеских басмылов, выглядит обоснованным.

Интересно, что казахская степь до того, как назваться кыпчакской, была названа арабами огузской (Мазафат алгуз). Помимо этой детали, самоочевидно наличие как у гузов, так и у аргынов «казачьих телег» и, следовательно, казачества как социального института. Их монголоидность и тюркоязычность также основательно подтверждены выше. Не только гунны (хунну), но и коренные древние монголы

(дарлекины, турлигины) во внешней Монголии были тюркоязычны, включая татар Внутренней Монголии. Согласно сохранный Гардизи (XI в.) легенде, происхождение кимакского союза племён, имевшего большее значение для этногенеза казахов, чем кыпчакское, связано с определённым кругом древнемонгольских татар, а тюркоязычность последних, несмотря на их разноплеменность, Махмуд Кашгарский ещё в XI в., как знаток тюркских наречий, установил вполне определённо (там же, с. 108). Следовательно, несомненно тюркоязычность огузов, входивших в тюркский племенной союз и бывших гаогюйскими тележниками (теле, тегрек, басмыл) на территории Внутренней Монголии. Учитывая это, в то время даже монголоязычные древнемонгольские нируны (кияты, джаджирады, сулдузы и т. п.) разговаривали если не на тюркском, то на общем тюрко-монгольском языке, присутствующем всей «пратюрко-монгольской языковой общности» «алтайских» племён.

В последних терминах скрывается особо важное достоинство разбираемого пособия. Получается, что не было тюркизации древних монгол на территории Казахстана в виде их ассимиляции местными племенами, ранее входившими в огузский, кимакский, кыпчакский и др. племенные объединения. Более того, судя по тому, что родоплеменной состав казахов, по сути, полностью идентичен древнемонгольскому, «домонгольских» кыпчаков – не совпадает вообще, а современных монголов (халха) – совпадает лишь частич-

но, следует признать правоту В.П. Юдина в части следующего предположения: «Позднее туда (в Казахстан. – *Прим. авт.*) прибыли дополнительные контингенты монгольских воинов с семьями, которые в отдельных случаях даже значительно превышали четырёхтысячные отряды, прежде выделенные сыновьям Чингисхана» (Юдин В.П. Центральная Азия... С. 109). Таким образом, наоборот, древние монголы распределили многочисленные местные рода и племена по своим казачьим сотням (тысячам) и тем самым этнически их ассимилировали, навязав своё социальное устройство (образ жизни) и лишив власти их родоплеменную аристократию. То же самое казаки Чингисхана из монгол-нирунов ранее уже проделывали с коренными древнемонгольскими племенами (турлигинами). То есть если о массовом переселении древних монголов говорить пока нельзя, то об отсутствии ассимиляции их (языковой и, возможно, антропологической) можно утверждать вполне определённо. Единые в культурно-бытовом отношении «алтайские племена» пратюрко-монгольской языковой общности всегда признавали над собой верховную власть родов, ведущих свою родословную от тёмно-серого, «сивого» волка древних тюрков. Борте-Чино, прозвище легендарного прародителя древних монголов, тоже означало серого волка, как и имя Ашины, которое означало не только синий цвет, но и «благородного» волка (*кит.* «А» и *монг.* «Шино»), от чего некоторые стали необоснованно находить в тотемной генеалогии чингизидов

место ещё и для «сизого», «синего волка».

Надо полагать, что древние монголы в этническом отношении внесли в образ жизни местных протоказахских племён лишь социальное устройство. Они освободили «чёрную кость», то есть простой народ, от «белой кости» их родоплеменной аристократии и сделали их всех казаками: свободными воинами-добытчиками на службе у новой единой «белой кости» золотого рода Чингисхана». Казаки были распределены по сотням, военно-административным частям, а не по родам и племенам. Казаки как сословие неимущих, профессиональных военных слуг (нукеров, дружинников), надо полагать, в Казакстане уже были до монголов, но они были в меньшинстве по сравнению с родоплеменным ополчением, которое с приходом Чингисхана и введением воинской повинности, как и родоплеменная аристократия, сошло со сцены.

Быт и нравы кочевников древнетюркской, т. е. домонгольской, эпохи охарактеризованы Юсуфом Баласагунским в X в. как «война ради добычи, усердие в её поиске и щедрость при распределении добытого среди войска» правителями (История Казахстана и Центральной Азии. С. 131). Хотя известна и более понятная причина военно-демократического устройства древнетюркских кочевников: их со времён гуннов не допускали к свободной торговле с оседлыми восточными народами, товары которых были жизненно необходимы (там же, с. 59). Древние тюрки казáков называли сло-

вом «кулсыг ер» (по Махмуду Кашгарскому), т. е. «подобный рабу» свободный «муж-воин», который обеднел и вынужден своим геройством добывать себе богатство в качестве дружинника на службе у родоплеменной знати. Могущество последней («атлыг» – именитые), в свою очередь, зависело от таких зависимых, но лично свободных «ер» ов, которые помогали «держатъ эль» и при помощи эля «возглавлять» «кара бодун», простой народ присоединённых родов и племён (там же, с. 131–137).

Что интересно, так это то, что среди простого, лично свободного народа был и слой бесправных невольников, состоящий из несвободных мужчин (кул) и женщин (кюн), которых принято считать рабами и, соответственно, именно так переводить эти слова. На самом деле они просто были в своё время захвачены в плен и обязаны были кочевать вместе со своими хозяевами, но вряд ли использовались как рабы в смысле подневольного, неоплачиваемого труда на общественных работах по примеру классического (западного) или патриархального (восточного) рабства. Они действительно были поначалу невольниками, труд которых использовался в домашнем кочевом хозяйстве, которое не отличалось строгой регламентацией, но впоследствии они становились как бы членами кочевой большой семьи без права откочёвки. Они напоминали собой скорее древнемонгольских «унаган баголов», которые выбирали путь «вечного служения» какому-либо знатному роду или человеку, чем рабов в обще-

принятом, «не степном» понимании. Подтверждением этому служит свидетельство арабского автора Ибн ал-Факиха от конца X – начала XI в. о том, что «попавшие в рабство, а затем вернувшиеся» вместе со своими новыми хозяевами «в родное племя не возвращали себе прежнего статуса», потому что «время от времени какая-либо группа (тюрков) покидает своё племя и переходит в другое племя» (там же, с. 138). Таким образом, в условиях Великой степи все рано или поздно получали возможность откочевать и какое-то время казаковать, испытывая свою судьбу, а не становиться баголом (*багалы*) или кулом.

Так, в Онгинской надписи древнеуйгурских рунических памятников сер. VIII в. Бильге-каган увещевает: «Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо» (с. 151). Вторит ему и один из кыргызских беков в своей эпитафии: «Простой народ, будь усерден (трудолюбив)! Не нарушай установлений эля!» (с. 132). Сама идея отделения простого народа и невольников в виде откочёвки пронизывает всю суть управления родоплеменной знати и каганов, и страх перед институтом казакования заставляет их постоянно «вскармливать народ», т. е. организовывать поступление добычи, её распределение и защиту. В уцелевших фрагментах Бугутской надписи формула такого «радения» о тюркском народе повторена трижды: про Муган-кагана, Бильге-кагана и Элетмиш-кагана (с. 134). Дело в том,

что, как и у кочевых казахов, у древних тюрков в почёте были богачи («байбар»), «бедность не вызывала сочувствия, более того, была презираема», а «понятие собственности... прежде всего на скот, проявляется в орхоно-енисейских надписях со всей определённойностью» (с. 136). Таким образом, описание в данном пособии древнетюркской эпохи не опровергает, а подтверждает посылки автора о тюркоязычности термина «казак» и древности социального института казачества как основы этнического образа жизни и самоназвания кочевых казахов.

В отношении древнемонгольской эпохи Казахстана данное пособие подтверждает позицию автора, что русское название «Золотая Орда» относилось к Улусу Джучи от Дуная до Иртыша и в последующем называлось Узбекским улусом. Левое крыло (восточнее от р. Волга) этого улуса с центром в г. Сыгнаке на Сыр-Дарье под неформальным названием Кок Орда (Синяя Юрта как центральная ставка) было под домом Орду-Ежена. Оно было номинально зависимо от западного правого крыла с центром в г. Сарай на Волге под названием Ак Орда (Белая Юрта – центральная ставка) под домом Бату, который имел «право на золото», раз владел белым цветом.

В своё время, до похода и для похода на Русь, сам Чингисхан дал начало такому делению (по «Чингис-Наме» Утемиш Хаджи), поставив белую юрту для Бату и синюю – для Орду, оставив Орду тем самым «право на серебро» и подчинив старшего сына Джучи младшему. В этом вопросе про-

шейбанидскому историку можно верить вполне, оставив под сомнением его показания о немотивированной постановке Чингисханом ещё одной, серой юрты Шейбану, сыну не от старшей жены Джучи, которому вообще не было места в вопросе выбора главы Улуса Джучи. Все остальные деления Золотой Орды производились домом Бату, так как Ак Орда стала главной военной ставкой всего Улуса Джучи. Именно Ак Орда получила название Жуз-Орды, т. е. Орды-Сотни, которая должна была для похода на Русь и на Запад прирастать казакáками, т. е. местными выходцами, отделившимися от своих родов и племён. Смешение неформальных названий домов Бату и Орду произошло от того, что чингизид Сине́й Орды Урус-хан, потомок Орду и основатель династии казахских ханов, в попытке снова объединить всю Золотую Орду в период безначалия (после смерти всех батуидов) захватил власть в Ак Орде в 1375–1376 гг. Затем в 80-х гг. того же века это всё-таки удалось другому чингизиду из Сине́й Орды Тохтамыш-хану, потомку Тука-Тимура. С тех пор «синие» ордуиды в лице казахских ханов считали себя законными претендентами на Ак Орду и, соответственно, на верховную власть в Улусе Джучи в отсутствие батуидов, так как Орду-Ежен был старшим сыном Джучи (там же, с. 173–176).

Дальнейшее внутреннее деление Кок Орды, по словам Абулгази и Махмуда ибн Вали, было произведено в Сарае уже Батуханом после возвращения из похода в Восточную Европу: к самому восточному Улусу Орду (первого сына

Джучи) в районе Верхнего Иртыша и оз. Ала-Куля добавились номинально подчинённые ему Улус Шейбана (пятого сына Джучи), к востоку от р. Урал в районе Иргиза, Ори и Илека до Каракумов на Сыр-Дарье, и улус Тука-Тимура (тринадцатого сына Джучи), к западу от р. Урал в районах Северного Кавказа, Астрахани и Мангышлака (там же, с. 227–228). Были и другие деления, но они были либо не основными, либо касались иных орд и улусов. Учитывая «строгую иерархию родов и племён Центральной Азии» (с. 135), нетрудно от этого дополнительного деления Кок Орды на три основных улуса предположить происхождение трёх жузов Казахстана по порядку старшинства указанных сыновей Джучи. Касательно же родоплеменного состава этих жузов, которые также делятся по старшинству, автор несколько изменяет своё мнение относительно длительной последовательности сложения казахских жузов как казачьих орд и очередности поддержки Чингисхана протоказахскими родами и племенами. Такая последовательность вряд ли доказуема в обозримом будущем, но она не исключена как фон в вопросе генеалогической близости древнемонгольских военачальников протоказахских родов и племён к роду Чингисхана. В любом случае данное пособие только подтверждает предположение автора о происхождении Старшего, Среднего и Младшего жузов Казахстана от деления древнемонгольской Жуз-Орды как казачьей империи Чингисхана, сократившейся до размеров современного Казахстана. Как древнемон-

гольские улусы («государства-владения»), так и этнотерриториальные жузы были объединениями именно родов и племён. Если учесть это и принять при этом версию идентичности родоплеменного состава вышеуказанных Улусов Орды, Шейбана и Тука-Тимура, с одной стороны, и Старшего, Среднего и Младшего жузов – с другой, то «одна из главных загадок казахской истории» (с. 281) станет наполовину решённой на более или менее научной основе.

То, что древние монголы были казакáми, подтверждается также и тем, что их кочевое государство в Семиречье «Моголистан», роды и племена которого влились в Старший жуз, называлось также и Страной Джете, что с монгольского означало «казачью вольницу».

В частности, Махмуд ибн Вали в XVII в. прямо заявляет: «Джете – то же самое, что Мамлакат-и Моголистан» (с. 196). Даже Тимур-Аксак (Тамерлан), славившийся своей жестокостью, в результате более чем десяти походов так и не смог подчинить себе древнемонгольскую вольницу (с. 201) ни в Могулистане, ни в Казакстане.

Касательно этимологии и семантики слова «казак» пособие также признаёт вышеизложенные положения Левшина и Юдина, которых придерживался автор при первом издании этой книги в 1995 г., когда этим положениям, особенно публично, не придавали должного и общепринятого на сегодня значения. Примечательно, что впервые на уровне учебного пособия осторожно, но авторитетно постулируется, что

в русском языке это тюркское слово появляется именно от этих значений в смысле свободного «удальца, без определённых занятий» и «вольнонаёмного батрака» в конце XIV в., что «первоначальной родиной русского казачества историки признают южные окраины Руси, смежные с Кыпчакской степью» (там же, с. 249). Единственное отличие от утверждений автора: редакторы пособия так и не допустили к научной жизни самоочевидную мысль, что коренные русские казаки́ («ордынские») везде, а не только на южных окраинах Руси, произошли от древнемонгольских, «татарских» казáков Золотой Орды и встали на службу Московской Руси лишь после её «освобождения» от монголо-татарского ига. Одним словом, пособие утверждает, что «исходное значение термина казак – социальное: изгой, который бродит по разным местам, прокармливая себя мечом своим – казак; человек, который пускается в дальний и опасный путь один, без товарищей – казак; удалой молодец, по выражению Бабур, «неутомимо, с отвагой угоняющий табуны врага» – тоже казак. Людей, ведших какое-то время образ жизни казака, по необходимости или доброй воле, всегда было немало. ...По понятиям того времени, как передаёт автор Тарих-и Рашиди, это считалось даже похвальным» (с. 250). Таким образом, отличие мнения автора от мнения редакторов пособия только в одном: автор данной книги, на основании всех этих показаний, постулирует, что этот социальный статус «свободного состояния» был у древних монголов и стал у

кочевых казахов полноценным этническим признаком. Это вполне естественно, если полагать за основание этноса образ жизни, стереотипы поведения и иные культурно-бытовые свойства социальных общностей, а не их кровно-родственные, расовые и иные антропологические признаки, что технически (формально-определённо) не выдерживают никакой научной критики в отношении более-менее больших родов, племён, народностей и т. п.

Культура и быт жизни казѡка были скромными, хотя и оригинальными. Отсюда его специальное обозначение казакане, т. е. по-казацки. (*Возможно, отсюда и русский казакин.*) Присоединившихся к казѡку товарищей также специально обозначали казакдаш. Так возникали военные сообщества из казаков, казачьи вольницы, по-мусульмански обозначаемые *джама ат-и казак* (с. 251). Комментарии об этнографичности данных явлений – излишни. Казачий статус керейтского Тогирил (Тогрул) хана, тайчудского Есугѡя-батыра, самого Чингисхана, да и их подданных тоже, несомненен и является одной из причин, почему они пускаются в дальние путешествия одни в опасной для них степи. То, что были казѡки могольские, киргизские, узбекские, ногайские, русские и т. п., говорит не только о нарицательности термина казак, пристающего к разным группам скитальцев, но и о том, что ранее все эти казѡки были из одного большого древнемонгольского этноса или, вернее, суперэтноса, образованного сознательной имперской организацией степняков

по сотням (тысячам). «Другими словами, из Узбекского Улуса выделилась и прикочевала в Семиречье не просто группа разрозненных племён, недовольных политикой Абулхайра... не просто политическая группировка, а субэтническая общность конгломератного типа, обособившаяся ещё до откочёвки 1459–1460 гг.», поэтому, «согласно записям известного этнографа XIX в. А. Хорошхина, казах обычно говорил: «Предки мои, начало моё – узбеки» (с. 252).

Вот почему шейбанидские узбек-казаки, откочевавшие в Маверенахр, сохранив за собой имя улуса, основанного шейбанидом (не батуидом) Абулхайром, исчезли к XX в. как субэтнос, передав это имя оседлому населению Узбекистана, а ордуидские узбек-казаки, откочевавшие в Семиречье с потомками Урус-хана, отказались от этого имени, чтобы отличаться от шейбанидских, и приняли имя своего образа жизни, поскольку у них никогда не было и так и не возникло единого хана, который назвал бы их урусамии по имени Урус-хана, основателя первого собственно казахского ханства. Все эти чисто политические группировки были субэтносами единой культурно-бытовой казахьей общности.

Религия этого казахьей метаэтноса была наиболее консервативным культурно-бытовым элементом. Как это было показано выше, тенгрианство в нём изначально было ещё в докыпчакское время гуннов и древних тюрков, оно же в нём и осталось в древнемонгольскую и казахскую эпохи, только видоизменилось и зашифровалось под ислам, поскольку он

был внедрён в него насильственно и лишь внешне. Пособие обозначает, что вначале хан Берке принял ислам лично в сер. XIII в., затем хан Узбек заставил всех чингизидов принять ислам, объявив его государственной религией Золотой Орды в начале XIV в., после чего эмир Эдыге безуспешно «предпринял попытку насильственного внедрения ислама в среду кочевого населения» в начале XV в. (там же, с. 269). Кроме изначально мусульманского населения болгарских городов Поволжья и Прикамья (одни из предков современных татар), а также Хорезма (одни из предков современных узбеков), в большинстве своём казаки Золотой Орды мусульманами так и не стали, пока во 2-й половине XVIII в. российские власти по специальному указу не начали строить мечети и организовано засылать в казахские степи с севера мусульманских проповедников. В 80-х гг. того же века уже «официально действовал некий ходжа Абу-л-Джалил, носивший почётный титул пир (духовный наставник) всего киргиз-кайсацкого журта» (с. 272). Россия добилась, чтобы в XIX в. казахские степи формально сделались мусульманскими. Во многом мнение автора о казахском исламе как не ортодоксальном сходится с положениями пособия, за исключением того, что автор считает казахский ислам суфийским, а не суннитским, и не понимает, почему в пособии никак не упоминается Казрет Кожа (Яссауи), имевший ранее, в «домонгольский» период, не меньшее значение в формировании казахского ислама, чем царская Россия – в «послемонгольский».

При этом автор признаёт, что существенной коррекции подлежат его взгляды в отношении происхождения рода Кожа от Ходжи Ахмеда Яссави (Казрет Кожи), благодаря обоснованному утверждению пособия о том, что ходжи не имеют единой генеалогии, в отличие от чингизидов и саидов как потомков Пророка от его дочери Фатимы и четвёртого халифа Али (там же, с. 376–377).

Касательно иных сфер жизни в казахской степи через всё пособие «красной нитью» проходит, но так и не декларируется прямая преемственность, этническое единство и непрерывность истории кочевого общества на протяжении полутысячелетия с XV по XIX век. В частности, это проявляется в детальном совпадении описания общественного устройства древнемонгольских и казахских ханств (там же, с. 365–384). Так, по «Семи Установлениям» – *Жети Жаргы*, составленном в XVII в., по преданию, Тауке-ханом совместно с Толе Би из Старшего жуза, Казыбек Би из Среднего жуза и Айтеке Би из Младшего жуза, только чингизидам принадлежало право на ханское правление, т. е. на верховную военную власть. Гражданское управление, если таковым можно было назвать самоуправление племён, оставалось в руках местных родоначальников – биев, власть которых, как правило, не выходила за рамки разрешения споров. Почти так же, как и в Джасаке Чингисхана, в Жети Жаргы нет понятия «политических и должностных преступлений» и узаконивается «регулярное налогообложение боеспособной ча-

сти населения» (с. 368), поскольку «податного» оседлого населения у кочевников не остаётся. Гражданские отношения также не получили достаточной разработки в Жети Жаргы, поскольку обычное право вполне их регулировало. Суд вершился ханами и биями, но, поскольку принудительной силы государства не существовало, исполнение их решений совершалось самими выигравшими участниками спора в виде насильственного угона скота (барымты), что считалось правомерным явлением (с. 372). Казахский *шаруа*, как и древнемонгольский *карачу*, есть «рядовой кочевник – юридически свободное лицо» со всеми личными и имущественными правами (с. 377), но как истинный казак он был обязан нести воинскую повинность по ещё действующему таким образом Закону Чингисхана и носить оружие, без которого он терял право голоса в народных собраниях. Одним словом, хан был просто верховным судьёй и главнокомандующим с обязанностью охранять общественный порядок и территорию, а также правом вести переговоры с иными странами и народами (с. 383–384), что в точности соответствует описанию ханов Золотой Орды в расцвет её мирового могущества (там же, с. 219).

Касательно экономического явления баев как всеми почитаемых богачей, а также лично несвободных «рабов» и домашнего «рабства», в рассматриваемом пособии тоже не найдено существенных отличий между до- и послемонгольскими периодами. Даже у гуннов термины были идентичны

в указанных отношениях (бай, кул и т. п.). Здесь нет расхождений автора с редакторами пособия во взглядах, но, единственно, хотелось бы отметить несогласие с неточностями в некоторых интерпретациях и посылках пособия.

В частности, создаётся ощущение, что пособие, как и все и как прежде, принимает само собой разумеющимся принятие внешних арабских названий в качестве древнемонгольских и казахских самоназваний. Это касается, прежде всего, названия Дешт-и Кыпчак в отношении казахской степи, которое ей дал арабский географ X в. Насири Хосров в ознаменование доминирования кыпчакского союза племён над огузским, а также введённого в X в. Великими Сельджуками арабского названия сирийского происхождения султан в отношении торе, сословия чингизидов. Вряд ли древние монголы и тем более казахи называли в быту своих торе султанами, а казахскую степь – кыпчакской, особенно после поражения и откочёвки кыпчаков в Европу. В этом вопросе мусульманские источники следует воспринимать с учётом чужеродности социального восприятия степной жизни восточными оседлыми народами, примером чего служит отсутствие в них упоминания в XVI–XVII вв. казахских жузов, хотя в то время они несомненно должны были уже быть, судя по упоминаниям в русских «Распросных речах...» от 1616 г. (с. 386–387). Поэтому считаю важным обратить внимание редакторов пособия на доказанные и авторитетные мнения Валиханова и Радлова в отношении перевода казахского слова *бий*

или *би* как «судья» от глагола *биілік* (судить, рассуждать) и на ошибочность выведения этого слова от тюркского бек и уж тем более приравнивания его значения к арабо-персидскому эмиру и монгольскому *нойону* (с. 379). Излишним было также утверждение о том, что «отдельная личность имела смысл только как часть рода, и только род был юридической единицей» (с. 378). Это утверждение является данью стереотипному рассмотрению казахов как восточного и азиатского народа, а также как традиционного общества, и не имеет под собой достаточного основания, поскольку любая личность, даже современного западного человека, апеллирует за обеспечением своих прав к обществу, в котором живёт и представителем которого является.

Касательно смены улусов как военно-административных делений, не привязанных к территории родоплеменных объединений, этнотерриториальными жузами, где союзы племён привязаны традицией к уже ограниченной территории, в пособии сказано немного. Но существенно важными указаниями являются: 1) основу улуса как «государства в наследственном владении» хана, как и прежде, представляет *ель*, «народ, составляющий государство», союз кочевых племён, родов и казаков, т. е. людей, «уход которых означал развал, гибель улуса»; 2) улус имеет подконтрольную территорию *журт*, *йурт*; 3) обычный улус насчитывал приблизительно 60 000 человек, а укрупнённый в виде улусного объединения – от 300 до 400 тысяч человек, при этом в XVI в. в Казах-

стане было около 20 обычных улусов в виде 3 укрупнённых, т. е. «единству верховной власти не соответствовало единство управления»; 4) три жуза появились не позднее конца XVI в. и поначалу возглавлялись биями, существовали одновременно с тремя укрупнёнными улусами, пока полностью не заменили собой эти улусы к XVII в.; 5) к 20-м гг. XVIII в. торе (чингизиды) возглавили жузы вместо биев, оставив последним только родоплеменное управление, после чего улусы больше никогда не возникали (там же, с. 384–387). Из этих ценных обобщающих указаний мы имеем право предположить, что жузы после наречения Ак Орды Жуз-Ордой существовали всегда, но наличие неограниченных этногеографических пространств для политической экспансии улусных ханов не позволяло жузам жёстко зафиксировать за собой территории, так как маршруты кочёвок соответственно не были устоявшимися. Это стало необходимым и возможным только после освобождения от «монголо-татарского ига» и усиления России и Китая, которые зафиксировали свои границы с казачьей вольницей Казахстана и тем самым замкнули её территорию, если учесть, что среднеазиатские государства давно это сделали вдоль Сыр-Дарьи после завоевания их узбеками-шейбанидами. Именно поэтому не было никаких драматических эпизодов при переходе власти от торе к биям и обратно, как во времена после «Великой замятни» (смуты в Золотой Орде), когда один только сюжет рабства джучидов у Тенгиз Буги при подневольном строитель-

стве ими мавзолея Джир-Кутлы заслуживает художественного описания. Таким образом, мы не можем согласиться с редакторами пособия в том, что речь шла о «последовательной смене форм организации казахского общества» (с. 387), так как в жузах укрупнённые улусы и их журты лишь совместились. А верховная власть как была у торе, так и осталась, впрочем, также и самоуправление племён как было под биями, так и осталось. Просто у ханов исчезла возможность образования и/или перераспределения новых улусов, «государств-владений», а казаки окончательно установили маршруты своих регулярных кочёвок в условиях их ограничения по территории. С момента потери необходимости, да и возможности откочёвок для казакования в поисках новых государей и государств древнемонгольские казаки стали превращаться в современных казахов. То есть истинно новый, «не имперский» этнос стал рождаться только в XVII в. на обломках суперэтнуса древнемонгольской казачьей империи Чингисхана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.